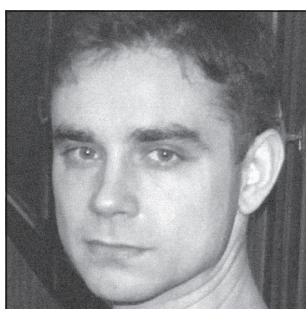

И НФООБЩЕСТВО И ТЕХНОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ К ЕГО СТРУКТУРАМ¹

А.Ю. АНТОНОВСКИЙ, В.А. ЕМЕЛИН

В статье обосновывается, что электронная телекоммуникация не увеличивает, а, напротив, сглаживает и нейтрализует радикальный разрыв семантической реальности и «естественной» реальности человеческого мира, некогда произведенный письменностью и печатью. Техника электронного общения и надстраивающиеся на ней техники коммуникации в социальных сетях возвращают коммуникацию к скорее традиционным *примитивным* формам общения, а в конечном счете приводят к разложению единства трех фундаментальных составляющих коммуникации (сообщения, информации и понимания).

Ключевые слова: теория социальных систем, письменные медиа распространения коммуникации, электронные медиакоммуникации.

Господствует убеждение, что электронная телекоммуникация (радио, кино, телевидение и электронная почта) радикально изменили человека, расширив его сенсориум, и трансформировали способности суждения и общения². Как

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проекты № 11-06-0733а и 10-03-0085а.

² «Техника отложенного (suspended) суждения, обусловленная нарративными способностями радио, кино и телевидения, – [главное] изобретение XX столетия», – утверждает Маршал Маклоэн, имея в виду пространственно-временные эффекты электронной коммуникации: *McLuhan M. Quentin Fiore. The Medium is the Mass Age: An Inventory of Effects. Bantam, 1967. P. 69.*

всегда, очевидность этого положения больше скрывает, чем проясняет. Ниже мы обосновываем, что перечисленные способы электротелекоммуникации не радикализуют, а, напротив, сглаживают и нейтрализуют тот радикальный разрыв между семантической реальностью и «естественной» реальностью человеческого мира, осуществленный когда-то письменностью и печатью. Техника электронного общения и надстраивающиеся на ней техники коммуникации в социальных сетях возвращают коммуникацию к ее скорее традиционным *примитивным* формам общения, а в конечном счете приводят к разложению единства трех фундаментальных составляющих коммуникации. Это ныне утраченное единство обуславливалось пространственно-временным совпадением процессов сообщения (= знаковая презентация смысла), информации (конструирование Эго смысла сообщения Другого) и понимания (констатация адекватности информации и ее знаковой презентации)³. Мы утверждаем, что фундаментальный эффект электронных медиа состоит в отрыве процесса понимания от ранее конститутивного для него сообщения информации.

Многие социологи и философы задавались вопросом об основаниях коммуникативного понимания. В качестве таковых феноменологическая социология рассматривала некоторое актуально данное в пространстве и времени «ядро реальности», допускающее манипулятивное воздействие членов сообщества и поэтому гарантировавшее понимание и консенсус⁴. Однако новые коммуникативные техники существенно трансформировали возможности общения. Манипуляционное пространство, «выделенная действительность» (*paramount reality*), ядро жизненного мира (в которых действительность «одолевал требования жизни»⁵ (А. Шюц), где именно ради этого «одоления» только и была возможна, да и возникла коммуникация) благодаря письменности и печати утрачивают свой статус незыблемых устоев коммуникативного понимания. Ведь в отношении письменных текстов уже не указать на конкретных людей, окружающую природу и артефакты как очевидные значения сообщений. Если в личном общении понимание мотивов действия прежде обеспечивалось знанием индивидуальной биографии и социального окружения, то письменность и печать отрывают сообщения от содержащегося в нем наблюдаемого, реального мира. Напечатанные деньги, напечатанные законы, напечатанные романы обозначают нечто такое, что способно существовать и вне всякой связи с данными наблюдения, а зачастую и вопреки реальности.

³ В рамках данной статьи мы опираемся на методологический подход к пониманию медиакоммуникации, развиваемый Никласом Луманом, в особенности: *Луман Н. Медиакоммуникации*. М., 2006.

⁴ *Mead G.H. Philosophy of Act*. Chicago, 1938.

⁵ *Schuetz A. On Multiple Realities // Philosophy and Phenomenological Research*. 1945. № 5. P. 533–576.

Письменная коммуникация утратила ключевую функцию коммуникации – функцию реактивных, коллективных и согласованных ответов на вызовы среды, согласованного и по возможности неконфликтного удовлетворения витальных и идеальных потребностей. В противоположность этой функции письмо и печать приобретают принципиально иную задачу, а именно – трансценденции: они тестируют границы повседневности, выводят общение за пределы ситуативных «здесь» и «сейчас» той или иной социальной группы или общества, настраиваясь на лишь возможные, неактуальные события и ситуации.

Именно в дифференцированном (главным образом средствами печати – денег, законов, политических памфлетов, научных публикаций) обществе понимание становится проблемой. Сообщение и информация расцепляются в пространстве и времени. Возникшие – во многом благодаря печати – национальные государства, несмотря на общий язык и обеспечиваемое им понимание, были дифференцированы функционально. Это существенно затрудняло коммуникацию за пределами отдифференцировавшихся функциональных сегментов. В силу (возрастающей благодаря печати) комплексности научного, правового, религиозного, политического дискурсов сколько-нибудь адекватное понимание отныне осуществляется лишь внутренним образом – в рамках соответствующих – научного, религиозного, политико-правового и др. – типов общения, которые собственно и привели к образованию различающихся «обособленных провинций смысла»⁶.

Возникшие в каждой сфере собственные способы обозначения потребовали новых средств интеграции, неких «мостов» или «символических образований», долженствующих противостоять так называемой дьявольской⁷ (т.е. разобщающей) дифференциации. Как соединить различные «провинции смысла»⁸? Письменность и печать не решали, а создавали интегративные проблемы, ведь все, что было призвано служить в качестве медиараспространения коммуникации

⁶ «Finite province of meaning» см.: Schuetz A., Luckmann Th. Structures of the Life-World. Vol. I. Evanston, Illinois, USA : Northwestern University Press, 1973. P. 22.

⁷ Никлас Луман остроумно использует синтаксическую противоположность выражений sym-bol и dia-bol, резервируя за каждым соответственно интегративные и дифференциалистские функции коммуникации.

⁸ Альфред Шюц вслед за Гуссерлем выводил возможность универсального понимания из некоего горизонта взаимных отнесений, из функции *аппрезентации*: у всякого восприятия, слова или объекта непременно наличествует некоторое множество “fringes” – отнесений, избыточных смыслов, коннотаций, реферирующих к чему-то в данный момент и в данном контексте неактуальному, а значит, указывающих на остальной мир. Именно в этом свойстве неполной определенности всякого смысла усматривалась гарантия мирового единства (Schuetz A. William James’ Concept of the Stream of Consciousness Phenomenologically Interpreted // Philosophy and Phenomenological Research. 1941. № 1).

(печатные деньги, памфлеты, законы, романы) и интегрировать сообщество, одновременно затрудняло надфункциональное общение и понимание, если не делало его избыточным.

Вопреки распространенному убеждению электронная телекоммуникация не перевернула, не виртуализировала жизненный мир, а скорее возвратила его в нормальное русло, восстановив утраченные пространственно-временные координаты между посланным сообщением – знаковой презентацией реальности – и ее фактическими – наблюдаемыми в пространстве и времени прототипами. Ведь все, что мы слышим по радио и смотрим по телевидению, *действительно* говорилось, действительно происходило. Безусловно, то, о чем говорилось, может оказаться фальсификатом! Но разве это вытекает из специфики самой техники электрической телекоммуникации? Мы наблюдаем живых, коммуницирующих людей, природу и артефакты, и с этими гарантиями фактичности телесочетаний никто не спорит.

Напротив, письменность и печать по своей социотехнологической функции разрывали живую координату и связь общения. Ведь у нас нет никаких гарантий того, что то, что говорится в книгах, действительно говорилось! Письменные социотехнологии уничтожили важнейшую предпосылку коммуникации: можно сомневаться в смысле сказанного, можно сомневаться в том, что интенции высказывающегося соответствуют заявленным, можно сомневаться в том, что высказывающийся хотел сказать то, что сказал, но нельзя сомневаться в одном: в том, что сказанное было действительно сказано.

Другими словами: прежде именно информация коммуникативного сообщения всегда составляла проблемный полюс коммуникации, в то время как сообщение (знак, означающее, «носитель» смысла) коммуникативно-презентированной информации оставалось ее незыблемым и неproblemатичным фундаментом. Сообщение – в уже давно забытом, бесписьменном прошлом, а ныне в личном интерактивном общении – и образовало общий поведенческий ориентир, в котором невозможно сомневаться. Недаром в русском языке сообщество и сообщение столь близки по звучанию. Мы так долго живем в письменном обществе, что во многом забыли о том рискованном отрыве от реальности, который пришел вместе с книгами⁹.

Наш тезис состоит в том, что именно технологии электронной телекоммуникации послужили механизмами нейтрализации опасности

⁹ Собственно книги и создали «монстров» – комплексы несовместимых свойств, вполне согласующихся в виде письменных описаний. См. гл. «Чудовища» в книге: *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века ; пер. Е. Лебедевой. М., 2008.

письменных технологий¹⁰, явились новой социотехнологией адаптации к технологии предыдущей, способом минимизации ее рисков. Излишне говорить, что таковая адаптация приносила не меньшие опасности коммуникации. Ниже мы покажем, какие трансформации коммуникативных структур произошли благодаря новой, электронной телекоммуникации, а также то, какие новые дисфункции они породили и какие новые технические средства появились для контроля и этих новых медиа.

1. Коммуникация и знание: письменность и печать как информационно-ориентированные формы

Определимся с понятиями. *Коммуникация* представляет собой достижение взаимопонимания через информационный анализ сообщения. *Понимание* есть фиксация адекватности или неадекватности сообщения и извлекаемой из него информации. Если мне с усмешкой сообщают о смерти близкого родственника, я фиксирую таковую неадекватность сообщения и информации, но именно поэтому *понимаю* и могу задать вопрос о причине столь странного диссонанса. Каждый акт понимания завершает единый коммуникативный цикл (сообщение/информация/понимание) и делает возможным новый подсоединяющийся (и реферирующий к первому) коммуникативный цикл. Коммуникация есть мобильная самореференция некоторого актуального цикла к циклу предшествующему или последующему и в этом смысле всегда дана в виде системы и последовательности коммуникативных актов как самокоррекция через вопросы, уточнение, прояс-

¹⁰ Опасность письменных и печатных технологий становится очевидной в эпоху Реформации. В период Великой английской революции печать в полной мере проявляет свой потенциал рискованной коммуникации: памфлеты, листовки, манифесты – все разрушало стабильность средневекового космоса. Механизмы, нейтрализующие опасность письменно-печатной коммуникации, появляются лишь в конце XIX в., с возвращением в медиасферу «живых» интерактивно-коммуницирующих людей. Живой голос по радио вступил в конкуренцию с почти безличными газетными описаниями и в этой форме «свободных голосов» внедрял альтернативные ценности в тоталитарных системах. Однако нельзя утверждать, что попыток «возвращения к реальности» и нейтрализации письменно-печатных рисков не предпринималось ранее. Ю. Хабермас пишет об интеллектуальных салонах эпохи Просвещения как интерактивных формах гражданского общества, где семантика текстов, если можно так выразиться, проходила интерактивный контроль. См.: *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft.* Suhrkamp, 1962. В наши дни парадными примерами такого рода социальных технологий являются технологии академических семинаров, конференций, интерактивные по своей природе защиты диссертаций, ученые советы, принимающие решения о публикации. Тем самым научный текст словно «возвращается» в интерактивное пространство и, ориентируясь на устно-речевые формы презентации, вынужденно утрачивает столь характерную для него монстрообразность. Все знают, что профессора, читающие лекции, и пишут гораздо понятнее.

нение и всегда ориентирована на то, что кто-то что-то *знает*, *известное* другому, и испытывает соответствующую мотивацию к сообщению об этом или уточнению предыдущего сообщения. Каждый партнер высказывается о том, что, как он думает, *известно* другим. Коммуникация, таким образом, есть процессирование знания из незнания¹¹. Однако этот трехсоставной порядок общения был существенным образом трансформирован появлением нового средства распространения коммуникации – письменности и печати.

Письменность как первоначальная технология телекоммуникации. Письменность явилась первой технологией телекоммуникации: транспортировка знаков более не требовала одновременной транспортировки тел и могла осуществляться независимо от последних. Функцией письменной речи стал вывод общения за пределы конкретного пространства-времени и особенностей (и давления) социального окружения, поскольку выводимая из письменного сообщения информация утрачивала связь с локальными ситуативными детерминантами. Становятся возможными: презентация в коммуникации того, что отсутствует в данном пространстве и времени; презентация чуждых образцов поведения; толерантное отношение к фактически недостижимому для санкций Другому; операционализация ресурсов, которые привносит Другой¹².

Коммуникативная операция нового типа «чтение» (романов, памфлетов) придает семантике «участия» в коммуникации совсем иной смысл. Теперь «участие» – это не личная деятельностная ангажированность, а всего лишь «участие» в судьбе литературного героя, и это участие возможно лишь до тех пор, пока герой предлагает новые и неожиданные формы поведения и речи. В противном случае читатель теряет к нему всякий интерес. Появление сложных письменных текстов должно предложить достаточную мотивацию для преодоления естественных (и даже чрезмерных) трудностей его прочтения. Представляется в высшей степени невероятным, чтобы человек затратил столько усилий и драгоценного времени на осуществление сочетаний и воспроизводство мириадом букв и слов. Такой мотивацией отныне выступает «информация», получающая доминирующее значение в ее отношении к «сообщению», собственный смысл которого прежде состоял главным образом в демонстрации участия и готовности осуществлять солидарное поведение.

Письменность переворачивает прежнюю аксиому коммуникации «главное не успех, а участие», которая как бы естественным образом

¹¹ О соотношении структур (понятия) коммуникации и структуры (понятия) знания см.: Антоновский А.Ю. Социоэпистемология. М., 2011. С. 118–136.

¹² Технология задействования ресурсов социологической формы «Другой» представлена прежде всего в фигуре и образах торговца, третейского судьи и обязана своим появлением именно письменным формам: печатным деньгам и записанным законам. См.: *Simmel G. Exkurs über den Fremden* // G. Simmel. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Berlin : Duncker & Humblot Verlag, 1908. S. 509–512.

гарантировала успех. В письменном обществе для достижения коммуникативного успеха недостаточно демонстративного характера сообщений. Для того чтобы письменная коммуникация была принята, требуется поиск, а лучше производство нового и неожиданного знания (информации) и научения из разочарования в знании предшествующем.

Огромные массивы телекоммуникационно-презентированного нового, более не ограничиваемого естественным пространственно-временным и коллективно-личностным контекстом общения и конкретностью ситуации, делают коммуникацию в высшей степени селективной, а достижение коммуникативного успеха в высшей степени проблемным. Как и всякая техника, письменность, решая одну задачу, создает новые проблемы, требующие привлечения новых технологий.

Письменность и трансформации в социальном, временном и предметном измерении коммуникации. Письменность ведет к забвению и нейтрализации контекста – и контекста создания письменно фиксированных смыслов, и контекста, в котором осуществляется чтение. Во-первых, поскольку текст требует интенсивной сосредоточенности на себе самом, должен обеспечить мотивацию и пробудить интерес к собственному содержанию, *предмету* описания, у участников письменной коммуникации не остается времени и интереса к конкретным мотивам порождения текста¹³ (предметное измерение коммуникации). Во-вторых, даже несмотря на наличие авторства, текст сохраняет некоторую безразличность к породившей его личности¹⁴ в том смысле, что обнаружение некоторого другого (подлинного) авторства ничего не привнесло бы в те способы, каким текст вовлекает и приковывает к себе своего читателя.

Связанные между собой *безличность* текста и отсутствие интереса к мотивам его производства (*прошлым* условиям, генеративному контексту) указывают на трансформации в социальном и временном измерениях коммуникации. О некотором идентичном (т.е. предметно или информативно-определенном) тексте можно формировать различные мнения, а следовательно, приходится сдерживать немедленные реакции в отношении его окончательного понимания. Благодаря текстам письменная коммуникация в предметном измерении сохраняет свою определенность, ведь связанный письменный текст генерирует некоторый более или менее определенный предмет своего описания. Но этого нельзя утверждать о пространственно-временном и

¹³ «Кто будет спрашивать, почему Фома Аквинский написал свои «Суммы» и какой прок в знании этого?» – задается вопросом Н. Луман (Медиакоммуникации. М., 2005).

¹⁴ О проблеме безличности (= самоавторизации текста) см.: Les saviors de l'écriture en Grèce ancienne ; M. Detienne (ed.). Lille, 1988.

коллективно-личностном измерениях письменной коммуникации, где всякая определенность существенно размывается, ведь письменность по самой своей природе делает возможным откладывание понимания на потом: понимание теперь может осуществляться где-то в другом месте и времени кем-то другим¹⁵.

Изменения в личностном и пространственно-временном характере общения провоцируют изменения и в измерении предметном. Мультипликационная природа письма необязательно расширяет число возможных прочтений. Чтобы сохранить понятность и, главное, информативность (новизну и неожиданность) предлагаемого описания для самых разных контекстов прочтений (определяемых принадлежностью к различным социальным слоям, полученным образованием, профессиональной, конфессиональной принадлежностью, половозрастными характеристиками и психологическими предпочтениями), объем информации письменных текстов приходится минимизировать, убирая все предположительно известное гипотетическому абстрактному читателю из некоторого более или менее далекого будущего, но компенсировать это сжатие непрерывным предложением новой информации. Такую задачу «подпитывания новизной» берут на себя специализирующиеся на этом системы коммуникаций, а именно масс-медиа.

При использовании письменности общество отказывается от временной и интеракционной гарантии единства коммуникативной операции. Единство общения уже не определяется конкретным пространством-временем и социальным принуждением осуществлять конвенциональные суждения. Такое отсутствие ситуационного контроля над читателем, активность которого выходит за пределы пространства-времени и личности автора, делает возможности коннекции (новых письменных реакций на прочитанный текст) поистине безбрежными, причем у автора отсутствует всякая возможность определять даже минимальную адекватность предлагаемых интерпретаций и комментариев к заложенному авторскому смыслу. Хаос возможных подсоединений новых смысловых интерпретаций некоторого начального письменного сообщения требовал новых способов редукции, восстановления утрачиваемого социального порядка, новых ограничителей для массивов возможных подсоединений смысла.

Итак, основным следствием появления фонетического письма явилось преодоление пространственно-временной и личностно-коллективной структуры традиционного общества, основанного на одновременности и фактической неразличимости сообщения, информа-

¹⁵ Идентичность текста, его предметную определенность в предметном измерении общения, которую не смогли поколебать ни письменность, ни печать, как мы покажем в итоговой части статьи, разлагают электронные технологии распространения коммуникации.

ции и понимания, и вытекающего из этого словно автоматического взаимоконтроля пространственно объединенных участников сообщества. Успех коммуникации определялся указанными контекстами и обеспечивался автоматически. Письменность и возникающие вместе с ней трудности на пути достижения коммуникативного успеха изменяют требования к посылаемому сообщению. Успех сообщения зависит отныне от его способности настраиваться на пространственно-временные и личностные дистанции, на неизвестные интересы и мотивы будущих и далеких читателей. Уменьшение влияния устных медиа переориентировало коммуникацию с полюса сообщения (участия) на полюс информации о ранее неизвестном.

Мир, многократно обогащенный и мультиплицированный письменностью, словно выходит в своих пространственно-временных структурах за пределы локальных коммуникаций и возможностей предметно обсуждать реалии внешней среды. Мир (как бытие, как природа, теперь наблюдаемый сколько-нибудь адекватно лишь неким гипотетическим и всеприсутствующим богом-наблюдателем) больше не укладывается в сообщение. И именно потому этот мир, необъятно расширившийся в своих письменных презентациях, допускает неожиданное и удивительное, т.е. неизвестную ранее информацию. Поскольку он в этом смысле перестает быть «одновременным» коммуникации, сама коммуникация вынуждена «растягиваться», чтобы в предлагаемых ею информациях хоть как-то соответствовать обсуждаемому сверхсложному миру. Этому «растяжению» коммуникации служило вынесение ее завершающей стадии, *понимания*, в некоторое отдаленное, до конца не определенное время – будущее. Коммуникация теряет свое *единство*, теряет свою определенность с точки зрения участвующих лиц (читателя и писателя), времени и пространства этой коммуникации. Единственная определенность сохраняется отныне лишь в ее предмете, в той информации, которую выражает письменное сообщение, а лица и времена теряют всякое значение.

Предметная определенность письменной коммуникации обеспечивалась укоренившейся и стабилизовавшей ее формой – текстом. Технология оттекстовывания, правила составления текстов, их типические формы, требования к компоновке и т.д. восстанавливали порядок, поколебленный письменностью как таковой, выступали в функции контроля над медиумом письменности. Текст явился *формой* письменного медиума, как когда-то письменность выступила формой для медиума языка, в свою очередь явившегося формой для медиума восприятия¹⁶. Эта кажущаяся стабильность являлась паллиативным

¹⁶ Восприятие выступающего формой медиума звука, со своей стороны, придавшего форму и собственному медиальному субстрату – шуму, понимаемому в качестве формы медиума воздуха (См.: Heider F. Ding und Medium. Berlin, 2005. S. 109–157).

решением: единство и устойчивость текстов также растворилась в массивах накладываемых на них форм – возможных интерпретаций, а с появлением электронной телекоммуникации и единство *предмета* коммуникативного обсуждения сходит на нет. Вопрос о том, какие новые медиафункции могут быть предложены и предлагаются для восстановления утрачиваемого единства коммуникации и смогут претендовать на статус новых медиальных гарантий социального порядка, требует отдельного обсуждения.

2. Электронные медиакommunikации и восстановление древней интерсубъективности через нейтрализацию письменности и печати

Электронная телекоммуникация – возвращение утраченного единства и его новое расщепление. Новые, основанные на электричестве медиараспространения коммуникации полностью сохраняют прежнюю телекоммуникационную функцию – транслируют знаки вместо физических тел коммуникантов. Благодаря новым медиа пространственные и временные коммуникативные ограничения сходят на нет: окончательно расцепляются в пространстве и времени процессы *сообщения* и (вытекающего из соответствующего *понимания*) *при*нятия либо отклонения коммуникации. Отныне (в особенности благодаря электронной почте) время коммуникации (со стороны как отправителя, так и адресата) выбирается произвольно, что освобождает общение от давления актуальной необходимости отвечать согласием или отклонением здесь и сейчас. Благодаря этому, собственно, и возникает время на дополнительное обдумывание, на осмысление предложенной коммуникации, что является фундаментальным условием рациональности, требующей снятия спонтанных (квазиусловно-рефлекторных) реакций на то или иное событие.

Компьютерная трансформация коммуникации: коммуникативная vs субъектная постановка вопроса. Особая функция в теории коммуникации отводится возможностям ЭВМ в некотором особом «коммуникационном» смысле. Так, Никлас Луман ставит вопрос не о соизмеримости сознания и ЭВМ, как это обычно имеет место в рамках так называемой компьютерной метафоры применительно к познавательным способностям в стиле “artificial intelligence”. Эпистемологически релевантным становится вопрос о коммуникации с компьютером и о коммуникации компьютеров, в чем, собственно, и состояло не осмысленное до сих пор существование теста Тьюринга, в котором эмуляция *сознания* выводилась из *коммуникативного* успеха

«общения» с компьютером¹⁷. Коммуникативный успех теста состоял в реализации формы знание/незнание – успеха, вытекающего из фундаментального коммуникативного препятствия и по совместительству ключевого условия коммуникации, а именно – закрытости сознания (или информационных процессов – в общем случае включающих и компьютерную переработку информации). Коммуникант исходит из того, что ему известно нечто, неизвестное его визави, и именно поэтому коммуникация с компьютером всегда сохраняет хотя бы некоторую степень осмысленности. Ведь как минимум на одной стороне коммуникации общение строится на основе предположения, что партнеру что-то известно, а что-то – нет. Любой пользователь постоянно сталкивается с открывающимися запросами, в которых машина «исходит» из того, что партнер на основе *одному ему известных сведений* способен принять решение о продолжении диалога (например, об установке программы).

Иное дело – коммуникация самих компьютеров, которые, вступая друг с другом в коммуникацию, должны тем или иным способом знать нечто, неизвестное другим машинам, и именно на это ориентировать отправляемые данные. Но как в компьютерной коммуникации возможны коррекции, уточнения, отклонения предложенных сообщений, которые бы образовали цепи обмениваемых сообщений? В компьютер-компьютерной коммуникации «закрытость чужого сознания», *недоступность* информационных процессов перестанут быть основой, стимулом и мотивом коммуникации, подсоединения одних сообщений к другим. Возможно, будут утрачены и прошлые «преимущества» человеческой коммуникации, оперирующей *нечеткими* сообщениями, вызывавшими самокорректирующие запросы. Должны произойти революционные трансформации коммуникации, в которой закрытость психики утратит свое значение коммуникативного препятствия и по совместительству – ключевого условия возможности коммуникации.

Пространственная виртуализация коммуникации: дистинкция поверхность/глубина как фактор социальной инклюзии. Коммуникация в сфере религии и искусства была существенным образом ориентирована на различие поверхностного и глубинного. Магические практики, гадания, обращаясь к зримым поверхностным линеатурам (костям и внутренностям животных, расположениям светил и т.д.), использовали их для предсказаний социально значимых событий. В свою очередь орнаментальные линеатуры искусства усиливали значения некоторых выделенных типов коммуникации (орнаментализация сакральных объектов, подчеркивание богатства и превосходства аристократии, украшение военных артефактов). Эта дис-

¹⁷ Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Oct. P. 433–460.

тинкция глубины и поверхности оказывалась одновременно и механизмом социальной интеграции – фактором эксклюзии и инклюзии в высшие иерархические уровни.

Эта же дистинкция поверхности и глубины, теперь в форме различения монитор/машина, оказывается основным фактором включенности в современность. Тот, кто не знает, как на основе чувственно воспринимаемой поверхности экрана манипулировать невидимыми и недоступными для наблюдения информационными процессами внутри машины, как обращаться к ней за скрытым знанием, исключается из самых разнообразных типов современной коммуникации: экономической, научной, политической, из искусства и даже из религии. Он не может оформить заказ в интернет-магазине, не знает, какие политические силы претендуют на выражение его интересов, не способен зайти на сайт Лувра, скачать научную статью из электронной библиотеки. В этом смысле вполне оправданным выглядит определение Луманом «виртуальности» в качестве «умения» (*virtus*) сопрягать поверхность и глубину.

Обновленная реализация древних мифомагических структур компенсирует и нейтрализует «фикциональность» литературы (письменно-печатной) коммуникации, объединяет вокруг единого «умения» или «навыка» самые разнообразные возможности ангажировать себя (почти одновременно) в самых разных типах общения. Благодаря электронной коммуникации те пространственные разрывы и негомогенности¹⁸, которые образовывала письменность и печать, теряют всякое значение. Те пространственные препятствия для вступления в коммуникации, к которым привело развитие письма, виртуализируются, т.е. сосредоточиваются в едином «*virtus*» (= навыке сопрягать поверхность и глубину).

Пространственно-временные гарантии реальности через симбиоз акустики и оптики. Оптические (письмо) и акустические (устный язык) последовательности выражений, живая связь фактического восприятия и живой речи благодаря письменности были разделены в пространстве и времени. Возникли сложные референциальные коллизии между синтаксической и семантической реальностями, сложнейшие вопросы репрезентации¹⁹. Благодаря кино и телевидению мультипликация реальностей, порожденная письменностью оп-

¹⁸ То есть концентрация литературы в библиотеках, искусства в музеях или главных городах, пространственные дистанции между напечатанным денежным знаком и местом, где его возможно потратить, разрывы между местом политического митинга, где раздают листовки и можно прочитать политический памфлет, и местом голосования и проживания, и т.д.

¹⁹ Что репрезентирует письменное выражение – устное выражение, внешний для коммуникации объект или некоторый дескриптивно понимаемый смысл? Что является первичной реальностью, а что надстраивается как форма презентации последней? Или, может быть, письменное выражение указывает на связь некоторого устного слова и репрезентированного им смысла?

тико-акустическая расцепленность получают новые гарантии единства и стабильности.

Кинотелевизионная реальность, синхронизация оптически доступного образа и произносимого текста уже не допускают своего отрицания или отклонения. В отличие от письменности и печати, допускающих относительно произвольные, в том числе невероятные комбинации известных (и неизвестных) реалий и образов, медиа кино и телевидения репрезентируют то, что действительно происходит во время съемки. Кинотелекоммуникация возвращает обществу ее характерную для далекого прошлого зависимость от реального, физического времени. И хотя эта зависимость телевизионной коммуникации от «устного» общения, от событий, имевших место в реальном времени и пространстве, тотчас нейтрализуется комбинаторными техниками монтажа, все-таки число возможных комбинаций существенно сокращается по сравнению с письменно-литературным «фиктивным» представлением реальности.

Но как объяснить этот ренессанс примитивных форм устной интеракции? Каковы функции телевизионного возвращения к реальному времени? Несмотря на то что, по видимости, кинотелевизионное возвращение к реальности обедняет коммуникацию, лишает ее виртуальных, фантастических и маловероятных форм, все-таки функционирование новых медиа приводит к обогащению и рафинированию репрезентируемого мира по сравнению с повседневным.

Фундаментальной «позитивной» функцией новых медиа становится функция *доверия*, которую вызывают телевизионные образы, — мощный противовес недоверию, порожденному печатью. При этом возможности телеманипуляции практически уже не могут приниматься во внимание, ведь их рефлексия и фиксация возможны лишь *после* просмотра, а значит, после фактической акцептации предложенной кино- и телекоммуникации. Реальный (нетранслируемый) мир, конечно, предстает довольно бедным рядом с изысканностью телевизионных кухни, одежды, лиц и поступков, но именно благодаря телекоммуникации он получает ориентиры для «совершенствования». Виртуальная реальность определяет и обогащает реальность реальную. Встает вопрос, какую цену приходится платить за вышеозначенную «позитивную» функцию. Не связана ли эта «реакция нейтрализации» письменности и печати с «ухудшением» качества человеческого общения?

Элиминация коммуникативных функций как следствие телекоммуникации. А. *Элиминация информации в сообщении: мы не знаем, какую информацию мы получаем.* Ключевой коммуникативной функцией языка являлось выделение в сообщении некой отличной от этого сообщения информации и вытекающая из этой дистинкции возможность отклонения (отрицания) предложенной коммуника-

ции. Собственно, вся дотелевизионная коммуникация строилась на постановке, непрерывной переработке, уточнении и взаимопереходах двух ключевых вопросов: что именно и почему именно мне ты это говоришь? Понимание и было согласованием ответов на информационно значимое «о чем?» и мотивационно значимое «зачем?», и такая согласованность или несогласованность обуславливала консенсус или диссенс. Именно последняя способность дотелевизионной коммуникации отклонять коммуникацию хотя и создавала известные риски, но позволяла создавать все новые и новые формы общения, виды деятельности и продукции. Телевизионная (а впоследствии и особенно «социально-сетевая») коммуникация в существенной степени устраняет *риски отклонения* коммуникации, за что, естественным образом, приходится расплачиваться и утратой способности различать сообщение и информацию, т.е. *понимать* предложенную телевидением коммуникацию.

Мы, по видимости, понимаем сообщения общающихся телефигур, но дефинитивно лишены возможности сделать вывод об их латентных мотивациях, о том, зачем сегодня вечером по первой программе нам была предложена именно эта, а не иная коммуникация. Реципиент телекоммуникации не в состоянии контролировать встроенность предложенного ему коммуникативного акта в некоторый контекст, известный режиссеру или заказчику телепрограммы.

В. *Элиминация бинарного кодирования*. Базирующееся на языке да/нет-кодирование любой предложенной коммуникации в телевизионном общении утрачивает свою предсказуемость, алгоритмичность. Агрессивность, опасность, вызываемый этим дискомфорт, непривычность или неприличность транслируемых сцен более не служат мотивацией избегания такого рода коммуникации и применения дистинкции принятия/отклонения. Сами основания отклонения становятся предельно непрозрачными. Телекоммуникацию отныне невозможно не только понять (т.е. сопоставить ее информационную и мотивационную семантику), ее нельзя и отклонить: то, что требует отклонения, требует первоначального просмотра. И для выработки четких критериев «негативной позиции» к трансляции последнюю приходится анализировать (а значит, в каком-то смысле принимать) тем более тщательно. Понимание и отклонение утрачивают согласованность. Если в «традиционной» коммуникации именно понимание²⁰ делало проблемой акцептацию предложенных смыслов и подсоединение коммуникативных актов друг к другу, то в рамках кино- и телекоммуникации принятие и понимание сообщения некоторым образом изначально гарантированы, причем независимо друг от друга. Однако

²⁰ Понимание «истинных мотивов» общения людей (на основе эмпатии или каких-то иных ресурсов «проникновения в чужое сознание»), несомненно, усложнит коммуникацию, если не сделает ее излишней.

латентность мотивации (т.е. информация о подлинных мотивах) усугубляется; она зависит теперь не только от закрытого функционирования сознания, но и от телевизионного экрана как границы, разделяющей ту и эту стороны коммуникации. Телекоммуникация делает ее понимание и принятие возможными и без информации!

С. *Элиминация коннективных ресурсов коммуникации – воображения и аргументативного убеждения.* Конструирование информации из сообщения и их различение, очевидно, требуют для себя некоторого творческого акта, силы воображения, способного усматривать в сообщении нечто, в нем непосредственно не содержащееся, способного комбинировать: разводить знаки и смыслы, придавать одним и тем же знакам разные смыслы (генерализировать), а одни и те же смыслы выражать в разных знаках (специфицировать). И эта активность по различению означающего и означаемого, безусловно, предполагает временное отключение непосредственного восприятия. Однако аудиовизуальное восприятие телевизионной картинки настолько интенсивно ангажирует все ресурсы внимания, что воображению просто недостает времени на знаково-смысловую переработку аудиовизуального материала. Эта способность телекоммуникации предельно интенсифицировать восприятие реципиента в ущерб аналитическим и комбинаторным ресурсам воображения делает избыточным коммуникативное убеждение и аргументацию в пользу принятия телекоммуникационных сообщений.

Д. *Элиминация внутренней коннективности коммуникативных актов.* Подсоединение сообщений друг к другу в дотелевизионной коммуникации происходило селективно в том смысле, что каждый из участников осуществлял собственный отбор сообщений, интерпретаций, атрибуций смыслов, намерений, установок, ориентируясь на отбор, ранее осуществленный Другим. Коннективность коммуникативных актов носила внутренний характер, т.е. коммуникация включала активность обоих коммуникантов как собственные внутренние составляющие или этапы (сообщение, информация, понимание), и эта активность реализовывалась в течение самой этой коммуникации. Парсонс назвал такого рода внутреннюю селективность общения, отвечающую за коннекцию коммуникативных этапов, «двойной случайностью», дающей возможность коммуникации осуществлять некую самокоррекцию, где Другой в своем выборе подстраивается под выбор Эго и сам пытается кондиционировать этот выбор (учитель подстраивается под свойства ученика, с тем чтобы воздействовать на его активность и предпочтения). Эту внутреннюю коннективность коммуникативных вкладов Эго и Альтера разрывает телекоммуникация. Отныне селекция коммуникативных актов осуществляется отправителем и получателем сообщений *независимо* друг от друга. Речь идет о независимых селекциях отправителя (собственный отбор сюжетов, инсценировок, но прежде всего – длительности и времени

трансляции) и реципиента (смотреть или не смотреть, когда и как долго смотреть передачу). Утрата этой двойной случайности приводит к тому, что коммуникация утрачивает и возможности самокоррекции, возможности неслучайного взаимоконтролируемого развертывания, ориентированного на ту или иную общезначимую функцию (в примере с учителем и учеником – формирование у ученика компетенций и квалификаций).

Преодоление дисфункций образной телекоммуникации через компьютерную сетевую коммуникацию: новые упорядочивания (селекции) массмедийной коммуникации. Мы перечислили дисфункции, обременяющие ход общения, которыми приходится расплачиваться за то полезное, что принесла с собой телекоммуникация. Последняя, безусловно, преодолела дисфункциональные эффекты письменности и печати, благодаря которым были утрачены гарантии реальности, связи описаний с фактическим, физическим пространством и временем внешнего мира печатных и письменных текстов. Осуществленный в телекоммуникации *симбиоз оптики и акустики* вернул коммуникацию в «реальный» пространственно-временной мир устного общения.

Однако новообретенные дисфункции в свою очередь требовали своего преодоления в рамках иных средств распространения коммуникации. Новые медиакоммуникации получили название «социальных сетей». Приведем здесь лишь несколько рабочих гипотез, которые, возможно, помогут объяснить некоторые функции и дисфункции сетевого общения.

Первое, что бросается в глаза и служит его основным оправданием, связано с привносимой этим типом общения окончательной элиминацией риска отклонения предлагаемых коммуникативных актов – риска, связанного с древней языковой способностью осуществлять отрицание всего, что может быть сказано в языке (основанная на частице «не» бинарность языковых актов). Общеизвестно, насколько обременяли коммуникацию трудности порождения первого акта – завязки коммуникации. Это было связано с ее фундаментальным темпоральным свойством: каждый коммуникативный акт, чтобы быть осмысленным, должен встраиваться в историю прошлых коммуникаций. Лишь сетевая коммуникация устраняет этот риск отклонения, которое и само переживается отныне как вполне естественное и понятное, при том что спонтанное завязывание общения выглядит абсолютно нормальным.

Кроме того, сетевая коммуникация безусловно преодолевает те (устно-речевые) рецидивы, которые привносила коммуникация телевизионных образов, и возвращает утраченную в телекоммуникации внутреннюю коннективность (в форме так называемой интерактивности) коммуникативных актов.

Но и сетевое общение, как видно, не является совершенной формой общения, и в качестве ключевой дисфункциональной характеристики социальных сетей приходится признавать окончательный разрыв единства коммуникации во всех ее измерениях: пространственно-предметном, социальном и временном. Сообщение и понимание теперь фактически никак не связаны друг с другом. Отправитель сообщения в социальной сети не способен даже догадываться и никак не ориентирован на то, *кто* прочтет его сообщение, прочтут ли его вообще, *что* именно из этого сообщения будет отобрано в качестве информации, *когда* это сообщение будет прочитано и в какой точке мирового пространства оно будет реципировано. Реципиент в свою очередь не может знать и не ориентирован на то, отправлено ли сообщение именно ему или кому-то другому, что именно в этом сообщении является информацией, ведь оно может быть тривиальным выражением некоторого ментального состояния («статус»), не задуманное в качестве сообщения и не сопровождаемое некоторой установкой или интенцией. Неизвестность и необязательность закладывания интенции, предположение о котором вкупе с «объективным» смыслом сообщения в традиционной коммуникации приводило к некоторому пониманию, т.е. рефлексии связи «латентного намерения» и «открытого смысла», приводят к тому, что в социальном измерении понимание перестает быть связанным с перспективой отклонения коммуникации (элиминация риска отклонения).

Когда-то письменность привела к расщеплению ключевых элементов коммуникации (сообщения и понимания) в социальном и пространственно-временном измерениях. Единственное, что еще как-то связывало сообщение и его понимание в некоторое единство, вытекало из самого предмета обсуждения (но уже не из культурно-языковой общности, общей эпохи и общего места такого обсуждения). *Социальные сети сводят на нет это последнее основание коммуникативного единства. Предметность обсуждения размывается, а разговор об одном и том же идентичном предмете превращается в моветон.*

Основания сцеплений коммуникативных актов в социальных сетях, получающих устойчивое выражение в виде связки пост/комментарий, практически не исследовались. Очевидным ресурсом коннекции «поста» и «комментария» оказывается ирония или сарказм, ссылки на душевное состояние, фотографии – одним словом, все, что не может повлечь сколько-нибудь консистентных и продолжительных последствий, т.е. устойчивых, самокорректирующих, предметно-определенных последовательностей высказываний; того, что в традиционной коммуникации было принято называть текстами, в социальных сетях практически не наблюдается. Единство коммуникации окончательно распалось.

Конечно, история общества на этом не заканчивается, но единство коммуникации конструируется отныне на некотором другом уровне и обеспечивается в рамках общественных подсистем: науки, политики, права, любви, хозяйства и т.д. Их собственные медиа – *медиа коммуникативного успеха* на основе стандартизированных мотиваций (денег, власти, страсти и т.д.) обеспечивают понимание коммуникативных предложений и связь этого понимания с акцептацией (или отклонением) предлагаемых коммуникаций. Коммуникация на уровне общества в целом хотя и остается возможной, но не может образовывать устойчивые, самокорректирующиеся последовательности сообщений, и поэтому ответственными за социальную интеграцию (в рамках подсистем общества) отныне выступают коммуникативные медиа успеха.